

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 5, No. 3, pp. 152-162, 2014

DOI: 10.13187/issn.2408-9621
www.ejournal16.com

The Private Life of a Soviet Person in Reminiscences of the Great Patriotic War

Articles and Reports

UDC 947.0

History and Memory: Interviews with Eyewitnesses on Private Life in 1941-1945

¹ Evgeny F. Krinko

² Tatiana P. Khlynina

¹ Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006

Doctor (History)

E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006

Doctor (History)

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract

This article addresses the potential of oral history in exploring the private life of a Soviet person during World War II. The authors bring to light the specifics of a methodology for conducting interviews and delineate difficulties arising in the process.

Keywords: World War II (Great Patriotic War); interview; oral history; private life.

За последние годы отечественными и зарубежными исследователями накоплен значительный опыт переосмысления советской истории, опирающийся на новые подходы и новые комплексы источников, которым прежде не уделялось значительного внимания. Наиболее важным представляется изменение самого фокуса исследований: с политизированной истории государства и его институтов – на повседневный мир взаимоотношений и чувств «обычных» граждан, с их массового, стереотипного поведения – на индивидуальные предпочтения и стратегии решения стоявших перед ними задач. Особый интерес вызывает разработка различных сюжетов частной жизни, в пространстве которой человек зачастую оставался предоставленным самому себе. Локализуясь на микросоциальном уровне – в границах дома, семьи, круга близких, друзей и знакомых, частная жизнь, тем самым, оказывалась автономной, наиболее независимой от государства сферой человеческой жизнедеятельности. Она существовала во всех сложно структурированных социальных системах, но пределы индивидуальных возможностей человека отличались, как отличалась степень и формы контроля государства над его существованием. Обращение к истории частной жизни представляется важным и

необходимым условием понимания сущности советского строя, механизмов его эволюции и все еще сохраняющегося обаяния. Помимо расширения общих представлений о прошлом и путях его постижения, оно позволяет увидеть советских граждан в совершенно ином ракурсе и понять, чем был советский проект для конкретного человека.

Постепенно находят отражение в историографии и вопросы частной жизни в период Великой Отечественной войны. Долгое время считалось, что в годы войны советский человек все силы отдавал борьбе с противником, а если и оставалось в его сердце место для чувства, то оно представляло собой любовь к Родине, обратной стороной которой становилась ненависть к врагу. Подобная редукция значительно обедняла представления о чувствах и формах их выражения у советских людей, в жизни которых всегда оставалось место интимным переживаниям и межличностным коммуникациям, выходящим за пределы «высоких» гражданских чувств и помыслов. Война не смогла полностью подавить «обычные» эмоции, выразившиеся в симпатиях и антипатиях к другим людям, в любви и дружбе как базовых социально-психологических потребностях личности. При этом экстремальная ситуация военного времени способствовала выработке новых практик и условий взаимоотношений в частной сфере, характер и содержание которых определялись различными обстоятельствами субъективного и объективного порядка.

В распоряжении исследователей находится немало разнообразных источников, раскрывающих различные аспекты рассматриваемой проблемы. В тоже время они свидетельствуют о тесной взаимосвязи приватного и публичного начал в жизни советского человека в условиях военного времени, что неизбежно влечет за собой сложности их разграничения. Как замечает Е.Ю. Зубкова: «Авторы исследований по различным сюжетам частной жизни обращают внимание главным образом на регламентирующую составляющую, тогда как неподконтрольный сегмент частной жизни, реальные практики выстраивания личного, интимного пространства остаются в тени» [1]. Во многом это объясняется самой спецификой отражения указанных практик в исторических источниках, трудностей их вычленения и анализа. Очевидно, что определенные перспективы в изучении частной жизни тесно связаны с опросами уже крайне немногочисленных непосредственных участников и очевидцев событий военного времени.

В 2012–2013 гг. в рамках поддержанного РГНФ научно-исследовательского проекта «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)» было проведено глубинное интервьюирование 40 участников и очевидцев Великой Отечественной войны, выступающих в качестве ее прямых свидетелей, обладающих собственным опытом переживания событий военного времени [2]. Продолжительность каждого интервью составляла от 43 до 247 мин., в среднем – 105 мин. 3 интервью продолжались менее 1 часа, 17 – от 1 до 2 часов, 9 – более 2 часов и 1 – более 4 часов. Выбор места и времени интервью предлагался самим респондентам, с учетом их возраста и состояния здоровья. Больше половины – 26 интервью – проводились по месту жительства респондентов – в их квартирах и домах, 11 – в здании ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2 – в здании Краснодарского краевого совета ветеранов, 1 – дистанционно с использованием скайпа. 31 интервью проводилось в Ростове-на-Дону (в том числе по скайпу с А.Л. Крюковой из хутора Сетраки Чертковского района Ростовской области), 7 – в Краснодаре, 1 – в Майкопе и 1 – в станице Динской Краснодарского края.

Подбор респондентов происходил через ветеранские организации Ростова-на-Дону и Краснодара, коллег и знакомых. Широко использовался также метод «снежного кома», при котором опрашиваемые сообщали координаты следующих возможных респондентов. В ходе предварительного разговора с респондентами обсуждались тема и цель проведения встречи, ее место и время. Необходимость использования «посредников» и рекомендаций для проведения интервью в значительной степени объяснялась соображениями личной безопасности в связи с получившими огласку случаями применения актов насилия по отношению к пожилым людям, краж и грабежей их квартир. Многие из них, особенно одиноко проживающие, обоснованно опасаются пускать к себе в квартиру посторонних людей, а состояние здоровья не позволяет некоторым самостоятельно выходить из нее. Один из наших респондентов лишился сразу двух своих орденов – один из квартиры вынес человек, назвавшийся журналистом и в ходе беседы подменивший боевую награду заранее изготовленным муляжом, второй просто кто-то снял с его пиджака на одной из встреч

ветеранов. Поэтому встретиться с ветераном войны, полностью утратившим к тому времени возможность самостоятельного передвижения, после ряда неудачных предварительных телефонных разговоров удалось только благодаря протекции хорошо знакомого ему руководителя одной из ветеранских организаций.

Тем не менее в ряде случаев все равно произошли коммуникативные неудачи, основной причиной которых являлось плохое состояние здоровья респондентов, прохождение ими медицинского обследования и лечения. Еще в двух случаях интервью завершились вскоре после начала, когда выяснились серьезные расстройства памяти респондентов вследствие перенесенных заболеваний. Дополнительные сложности в организации встреч с участниками Великой Отечественной войны возникали в преддверии очередных годовщин Дня Победы: многие из них, особенно руководители и активисты ветеранских организаций, оказались включены в программы праздничных мероприятий.

Отказ от встречи мог быть продиктован и опасениями, связанными с неуверенностью респондента в «правильном» использовании сообщенных им сведений. Одна из наших телефонных собеседниц, чьи координаты мы получили от ее ближайшей приятельницы, после неоднократного перенесения интервью, в конечном итоге, отказалась от него. Свой отказ мотивировала тем, что сейчас трудно понять события того времени, да и жизнь ее «не для парадного рассказа». Еще одним, имплицитно сопутствовавшим отказу обстоятельством оказалась ее этническая принадлежность. Будучи еврейкой, она не видела необходимости «все это мусолить заново» (имея в виду гонения против евреев), хотя из общего перечня предлагавшихся к обсуждению вопросов ни национальной темы, ни ее конкретных ответвлений не вытекало. Следует отметить, что опасения подобного рода присутствовали и в рассказах тех, кто согласился поговорить о «жизни на войне». Л.В. Ямщикова, щедро поделившаяся с нами своими детскими и семейными воспоминаниями, в завершении встречи обеспокоенно спросила, ничего ли ей и ее мужу не будет за то, что «наговорила здесь» [3]. У многих респондентов вызывали обоснованное сомнение само содержание и характер задаваемых вопросов. Настроившись на серьезный разговор о войне, не предполагавший «каких-то сантиментов», они искренне недоумевали, зачем так подробно их расспрашивают о семье, жилье, друзьях.

Возраст и состояние здоровья респондентов приходилось учитывать и в ходе проведения интервью, поскольку отдельные вопросы приводили их в состояние душевного расстройства, вызывали волнение и слезы. Несколько респондентов являлись инвалидами 1-й и 2-й групп, с ограниченными физическими возможностями, а 4 чел. скончались через несколько месяцев после интервью.

На момент проведения интервью возраст опрашиваемых составлял от 78 (1934 г.р.) до 99 лет (1913 г.р.). Начало войны они встретили в возрасте 7–28 лет, а ее окончание – 11–32 лет. Исходя из возраста и соответствующих ему социальных статусов, опрашиваемых можно разделить на несколько групп. Первую, самую небольшую, составляют респонденты 1913–1918 гг. рождения, встретившие войну взрослыми людьми. А.Ф. Акимов (1913 г.р.) и Н.П. Жуган (1917 г.р.) имели к началу войны семьи, получили профессиональное образование, один работал, отслужив срочную службу, второй был военным летчиком. Работала и Г.Ф. Макарова (1918 г.р.), проживавшая совместно с родителями (вследствие чего ее можно отнести к следующей группе).

Вторую группу составляют 11 респондентов 1921–1923 гг. рождения, у которых начало войны совпало с окончанием учебы, а также с военной службой и получением профессионального образования. В 1941 г. окончили училища: А.З. Карпенко (1921 г.р.) – военное, А.Г. Малхасян (1921 г.р.) – педагогическое, В.М. Мухортова (1922 г.р.) – медицинское; продолжали учебу в педагогическом институте Н.Ф. Резникова (1921 г.р.) и В.И. Бирюков (1922 г.р.), в летном училище – С.Ю. Ясанис (1922 г.р.); служили срочную службу на флоте Д.И. Бакай (1921 г.р.) и Н.М. Боровик (1921 г.р.), окончили 10 классов Л.М. Карпеева, В.И. Перетягко и М.Д. Шибанов (все – 1923 г.р.). Вся группа служила в рядах действующей армии и относится к той возрастной когорте, которая понесла самые большие потери в годы Великой Отечественной войны.

Третья группа – 15 респондентов 1925–1927 гг. рождения, окончивших школу уже в годы войны. Были призваны в ряды действующей армии О.В. Бредихин, В.Г. Гречко (оба 1925 г.р.) и Г.К. Черчемболиев (1926 г.р.), окончили военное училище и продолжили службу

в действующей армии А.Ф. Гнетов и Э.И. Речестер (1925 г.р.), добровольно ушли на фронт Е.С. Тюкина (1925 г.р.), З.Г. Коваленко (1926 г.р.), А.Г. Малюк и А.П. Обозьянский (оба 1927 г.р.), стали работать А.И. Баляшина, В.А. Тихомирова (обе 1925 г.р.) и С.Я. Кремянская (1926 г.р.), начала учебу в вузе М.Ф. Гольдфарб (1926 г.р.). Н.Ф. Петрушенко (1925 г.р.) и В.И. Мартынов (1926 г.р.) были вынуждены пойти работать, не закончив школы (первый после детдома, а второй происходил из многодетной семьи), позже их призвали в ряды действующей армии.

Наконец, четвертую группу составили «дети войны» – 11 респондентов 1929–1934 гг. Они принадлежат к поколению, о котором сказано так: «Война остановилась на нас, мальчишках 1928 года рождения» [4]. Потому что его представители не призывались на фронт. Тем не менее, война наложила свой отпечаток на всю их судьбу. Закончили школу и продолжили обучение в училище или университете Е.В. Прибыльская (1928 г.р.), В.Н. Семина, А.Д. Исаев (оба 1930 г.р.), Л.В. Ямщикова (1932 г.р.), А.К. Агарков, И.Н. Калабухова, Э.Е. Розенблит (все 1933 г.р.) и В.М. Линник (1934 г.р.). Пришлось пойти работать, не завершив обучения, А.Л. Крюковой (1928 г.р.), М.И. Емельянову (1929 г.р.), Н.П. Шепеленко (1930 г.р.).

Приводимые демографические и социальные характеристики респондентов важны при осмыслении их опыта переживания событий военного времени. Например, их необходимо учитывать при обращении к религиозным представлениям советских граждан в годы Великой Отечественной войны. Согласно данным переписи населения 1937 г., возрастная когорта 1917–1920 гг. рождения, а тем более, младшие когорты, к которым относится большинство опрошенных, являлась гораздо менее религиозной, чем представители более старших возрастных групп, провести опросы среди которых уже нет возможности [5].

Больше половины опрошенных – 22 чел. – являются уроженцами территорий, в настоящее время входящих в состав Ростовской области, еще 6 чел. – Краснодарского края, 3 чел. – Украины. По 1 чел. родилось в Москве, Ленинграде, на Урале, а также на территориях, входящих в состав Нижегородской, Ярославской, Пензенской областей, Республики Башкортостан, Чеченской Республики и Казахстана.

Исходя из содержания интервью, отражающего личный опыт участия респондента в событиях Великой Отечественной войны, всех опрошенных можно также разделить на несколько групп. Самую большую группу составили фронтовики – 25 чел., в том числе 14 представителей сухопутных войск – пехотинцы, артиллеристы, связисты, сапер и шофер, а также 4 медицинских работника, 3 летчика и 1 авиамеханик, 2 военных моряка. 11 чел. являлись свидетелями нацистской оккупации, а 6 чел. находились в эвакуации (в том числе, 2 чел. находились на оккупированной территории после эвакуации). Фронт и тыл, оккупация и эвакуация создавали различные возможности для реализации тех или иных индивидуальных желаний человека, а представления о том, как они реализовались, пропущенные сквозь призму последующего личного опыта, формируют разные воспоминания о частной жизни в условиях военного времени.

В этой связи весьма показательны отношения, складывающиеся у респондентов с войной как историческим событием, непосредственными участниками которого они оказались. С одной стороны, часть из них осознает свою сопричастность большой истории, представления о которой меняются с течением времени. Не всех устраивают перемены, происходящие в облике войны под воздействием кинематографа и профессиональной литературы: «Нет, я, когда смотрю фильмы, я говорю: “Какие брехуны! Вот этого же не было. Почему не пишете того, что было на самом деле? Почему не возвращаетесь с ветеранами, их осталась “могучая кучка” чуть-чуть, вот этот золотой фонд России!”» [6]. Этот облик зачастую противоречит их собственным воспоминаниям, вызывая естественное раздражение: «Вы знаете, если б я бродила по улицам бы и видела все это, может быть и совпадало. Вот, как я видела то, что запечатлелось на всю мою жизнь. Это я сидела вот там, где на Книжной, вот там упала бомба. Глубокая-глубокая яма была посреди дороги, и вот как стоял немец и кидал дитя в эту яму, в пожар там, вот, это я запомнила и, наверно, и умру с этим, никогда не забуду. Вот, это я видела в окошко, я сидела тоже под замком, замкнутая. Куда-то эта женщина ушла, а меня замкнула. И вот это я сидела на подоконнике, и это я увидела.... Раздражает [*то, что пишется об оккупации*], это не так» [7]. И не только потому,

что в нем «нет правды». Новое знание о войне меняет отношение к ее участникам, переводя их из категории победителей в разряд обыкновенных стариков: «Но меня поразило другое: 70 лет Сталинградской битвы – принесли мне поздравление от Путина. Ворошиловский район и Ворошиловский военкомат – хотя бы цветочек принесли бы вот этот, гвоздичку. Понимаете? Ничего, ни сувенира! Ничего, понимаете? И Сталинград, вот это слово у них вот здесь [*показывает*] стоит! Поэтому они сказали, что шесть раз в году будет Сталинград, а остальное Волгоград. Сейчас нужен Сталин нам и не один, а два... Что меня еще обижает, и я вот это недовольна. Я же прошла такой путь ... И в результате мне пенсию участника войны не дали» [8].

Они борются с «вопиющей несправедливостью» своего положения, отстаивая правду о войне газетными статьями и интервью; выступлениями перед школьниками и молодежью; участием в создании школьных музеев: «Вот, я тут писала недавно статью, попросили меня, я и написала. Но и не только это. Я написала и вот в этот [*показывает*]. Я очень часто бываю в Таможенной академии, провожу там занятия День Победы, 23 февраля. В этот раз они нас не пригласили» [9]. «Да, да, вот меня приглашали в школы <...>, а потом сам. Приглашали на завод, где я работал...» [10]. «Писем нет, а фотографии еще есть. У меня же в музей берут и берут» [11].

Еще одной формой обретения правды о войне стал поиск книг, где личный пережитый опыт совпадает с оценкой происшедшего в тот период времени: «И что трагично было в этой самой Керчи – все же три армии [*погибли*]! <...> Ведь Сталина Жуков предупредил: “Да, готовьте десант на Керченский полуостров, готовьте срочно, надо помочь Севастополю”. И вот, стали. 44-ю армию с иранской границы переправили к нам, в Россию, и она оказалась в Керчи. На время этой операции. А он сказал нет, Сталин: “Готовьте срочно десантную операцию”. И загубили 300 000, вот тут написано [*показывает книгу о Керченско-Феодосийской операции*], солдат, офицеров. 170 000 [*чел.*] попали в плен. А сколько в каменоломнях [*осталось*]! 17 000 [*чел.*] ушло в каменоломни – без воды, без лекарств, без всего. Они там погибли. Страшное дело. Кто виноват в этой операции? Сталин виноват. Не нужно было ее делать, а он приказал» [12]. Для другой части наших респондентов война уже давно стала страницей прошлого, напоминая им о совсем другой жизни и ушедшем детстве: «Ну, как вспоминаю? Иногда разговор зайдет, когда-нибудь. В основном, ну, что с молодежью? Им это не нужно. Ну, вот так встретишь кого-нибудь и за войну там начнешь говорить, вот и весь разговор» [13]. «Ну, не то, что вот [*вспоминаю о войне*]... Ну, все это перед глазами. Я могу даже это все воспроизвести. И как папа на качелях катал, и какая маленькая была, и я даже помню фотографии свои маленькие, и братьев помню фотографии. У меня, например, старший стоит на корабле в белом костюме, в капитанке, и еще ему и сигарету [*дали*] – вот он, сфотографированный такой стоит. Стоит гордый у папы на корабле – это я хорошо помню. Вот, и у меня где-то есть фотографии» [14].

Тем не менее все они пытаются не забыть того, что произошло с ними в прошлом и сохранить именно ту память. В ряде случаев она обретает письменный канон, по которому респонденты сверяют свои нынешние воспоминания о войне. Двое из них на момент встречи оказались авторами нескольких художественно-документальных повестей [15–17 и др.]. Один – обладателем дневника, переданного в Государственный архив Ростовской области, а еще двое – начинающими мемуаристами. Написанные и начатые писаться по разным поводам («Я в прошлом году начал писать автобиографический очерк. Я его назвал так. Это приезжала племянница из Башкирии, я родом из Башкирии, ну и попросила, я ж всю войну на фронте был, а они сейчас молодые, ничего не знают, побольше узнать. И другая родня по жене – остались племянники и племянницы, тоже просят описать военное время, послевоенное время. Вот, и я начал писать» [18]; «Очень хочу расплатиться со всеми, кто обогатил мою жизнь» [19]), они имеют общую природу происхождения и подчинены одной цели – созданию рамок памяти, за пределами которых начинается другая, неизвестная им война. Наличие этой особой памяти наиболее отчетливо проявилось в ходе интервью, когда несколько респондентов не только апеллировали к тексту, тем самым, придавая рассказываемому бесспорный статус достоверности, но и сверяли с ним время, события и последовательность их свершения.

Все интервью проводились в свободной форме, с использованием заранее подготовленного опросника, от которого, впрочем, допускались различные отступления,

связанные с психологическими особенностями личности респондента и самим ходом беседы с ним. Большинство интервью, наряду с рассказами респондентов, включали и ответы на вопросы о разнообразных проявлениях частной жизни в 1941–1945 гг.: пространстве дома, отношениях внутри семьи и с соседями; чувственного мира и его эмоционального накала; индивидуальных стратегий выживания; веры и суеверий; организации досуга и его осуществления.

Как правило, в конце интервью предлагалось ответить на вопросы о том, была ли частная жизнь у человека во время Великой Отечественной войны, и если да, то в чем конкретно она заключалась. Многие респонденты дали отрицательный ответ на указанные вопросы. Так, фронтовой шофер Галина Федосеевна Макарова категорически заявила: «Нет» на вопрос о том, была ли частная жизнь на войне, а затем прояснила свой ответ так: «Нет, все вместе. Коллектив был, и дружные были такие вот, не было, чтоб там кто-то отделился, все время вместе и вместе» [20]. Похоже ответил и Александр Григорьевич Малюк: «Конечно, все, как говорится, удачи, невзгоды – все было коллективное» [21]. Ему вторит Андрей Георгиевич Малхасян: «...на фронте же секретов нет от друзей! Сегодня жив, а завтра нет» [22]. Частное воспринимается ими как противопоставление общему, общественному, коллективному, служению которому должен был всецело посвящать себя советский человек – на фронте и в тылу, в военное и в мирное время. Поэтому его существование – неправильно, невозможно в условиях войны.

Однако те же самые респонденты, категорически отвергая возможность существования собственной частной жизни во время войны, рассказывают, например, о том, как их друзья влюблялись и женились на фронте [23]. Не идентифицируя, впрочем, данные случаи, несомненно, имевшие самый массовый характер, как проявления частной жизни. Отдельные респонденты признают существование частной жизни у сослуживцев, но не у себя: «У меня не было, но у девчат была» [24].

Валерия Александровна Тихомирова также ответила отрицательно на вопрос о том, была ли у нее собственная частная жизнь на войне: «Нет, совершенно». Однако ее мотивация при этом отличается от высказанных другими коллективистских принципов и носит сугубо нравственный оттенок. Она связывает частную жизнь с наличием интимных отношений с молодыми людьми, к чему в тот момент не считала себя готовой. Когда она решила уйти добровольно на фронт, «один солдат или офицер позвал меня и провел со мной такую беседу: “Ты хочешь сейчас уйти в армию? – Хочу! – Но учти, ты должна за одного из нас выйти замуж. – Какой замуж? – А как же. У нас только так, по-другому нельзя. Ты готова на это? – На это я не готова. Тогда иди и будь около матери, иначе у нас есть девочки такие, которые что? Ты уже взрослая, должна понимать, по рукам пойдут”». По словам В.А. Тихомировой: «Он меня так напугал, больше чем немцы. И думала, что буду с мамой, потому что я была главной для нее опорой». Респондент признается: «Я бы ушла на фронт, но вот, то, что замуж, для меня это все равно, чтобы сказали, мы выстегаем Вас плетью. Это было для меня что-то такое ужасное, даже сумасшедшее, хотя я уже была взрослая» [25]. Несомненно, что в приводимых высказываниях отражаются не только усвоенные с детства этические нормы, но и выработывавшиеся десятилетиями практики коммеморации в отношении военной темы.

У других очевидцев наличие у них частной жизни в годы войны не вызывает никаких сомнений. Но вот ее сущность и содержание определяются совершенно по-разному. Для медицинского работника Евгении Степановны Тюкиной частная жизнь на фронте реализовывалась «через любовь, через дружбу, через товарищеские отношения» [26]. По словам телережиссера Эвелины Евгеньевны Розенблит, пережившей и эвакуацию, и оккупацию Ростова-на-Дону, ее частная жизнь девочки-подростка заключалась в личных переживаниях: «Частная жизнь моя, я вот, Вам ее рассказала, она все-таки была детская. Вот мое восприятие войны и все страхи, которые были, и все трудности, я считаю, что в принципе от этих трудностей какая-то закалка идет...» [27].

В свою очередь, для хореографа и поэтессы Елены Валентиновны Прибыльской ее частная жизнь в годы войны, также пришедшейся на период юности, – это творчество: оказавшись в эвакуации в Перми, она смогла услышать знаменитых театральных исполнителей, и этот духовный багаж лег в основу ее будущей специальности. Понимая несоответствие индивидуального опыта коллективной трагедии, она стремится «вписать»

его в общий смысл происходивших событий: «Она, конечно, была частная жизнь, но все было внутри подчинено самому главному, понимаете, это невольно получалось. Т.е., мы были едины, мы болели всей душой за то, что на фронте, хотя мы жили в глубоком тылу, в Перми... я помню, привезли из Ленинграда детишек. Ой, это вот такие ручки, вот такие ножки, вздутые животы, лица как у скелетов, это страшно было. Их по детским домам, и начали потихоньку откармливать. А, в общем, обязательно была частная жизнь, и не только частная жизнь была. Самое главное, что творчество было, и было искусство, и оно было нужно, искусство» [28]. Очевидно, что различия в оценках частного отражают разницу не только в пережитых событиях, но и в последующей судьбе самих респондентов, их профессиональном, социальном статусе.

В ходе исследования выявились и гендерные особенности восприятия частной жизни, форм ее проявления и возможностей осуществления в условиях военного времени. Среди опрошенных 23 чел. являлись мужчинами, а 17 – женщинами. Как правило, вопросы, относимые к частной жизни, традиционно считаются «женскими», женщин быстрее можно «разговорить» на данную тему, причем легче сделать это оказалось женщинам-интервьюерам. Это определялись несколькими обстоятельствами. Во-первых, «неудобностью» самой темы, по большей части, воспринимаемой попыткой вторжения совершенно постороннего человека в личное пространство респондента. Причиной тому нередко становится смешение частного и личного, отсутствие границ между которыми придает сфере приватного далеко не исчерпывающий ее интимный характер. Только в одном рассказе женщины из «интеллигентной еврейской семьи» прозвучало четкое разграничение этих сфер: «Ну, во-первых, частная жизнь, как я понимаю, она свойственна и должна быть у любого человека. Например, я никогда не скучаю, даже если мне, например, нечего читать, я сижу и думаю, что-то вспоминаю. Я ходила в школу, я училась, я общалась с теми, кто жил в нашей комнате» [29]. Свою личную жизнь она связала с замужеством. Именно нежелание говорить о сугубо личном, «несовместимом» с жизнью на войне, привело к тому, что у большинства опрошенных женщин «частной жизни просто не было». Во-вторых, возрастом и условиями довоенной жизни респондентов. В своих суждениях о возможностях существования частной жизни и зримых очертаниях ее проявления они демонстрировали скорее более поздние представления, нежели непосредственные впечатления тех лет. Во многом такая ситуация обуславливалась отсутствием хотя бы какого-то подобия уединения в перенаселенных и малометражных комнатах, занимаемых семьями респондентов. За некоторым исключением все они делили жилое пространство с родными и близкими им людьми, что полностью исключало, по их мнению, малейшую возможность вести самостоятельную и неконтролируемую жизнь. Тем не менее даже в этом, казалось бы, полностью лишенном приватности пространстве «людской скученности» находились возможности «подышать воздухом полей, побегать за домом, нарвать луговых цветов». В-третьих, большей склонностью женщин к рефлексии, находившей выражение в переписке и более поздней записи собственных воспоминаний о том времени, в которых наиболее отчетливо проявились гендерные особенности женской памяти о войне. В них больше довоенной атмосферы, биографических зарисовок, склонности к детализации быта, эмоциональной окрашенности запечатлеваемых событий. При этом в женских воспоминаниях о войне много и мужского, вернее, негендерного: цепкость взгляда, ровность оценок и беспристрастность суждений. Однако есть и нечто разительно от них отличное: пристальное внимание к интерьеру эпохи с его цветистыми перегородками комнат и милыми безделушками, передававшими особенности уклада жизни их владельцев; частным и личным проявлениям времени. Приводимые фрагменты интервью, записанных в ходе исследования и на самом деле отражающих не только непосредственное восприятие очевидцами событий военного времени, но и рефлексию всей прожитой жизни, представляют, разумеется, далеко не весь спектр оценок частной жизни.

Одной из главных трудностей проведения опроса оказалась внутренняя неготовность респондентов к восприятию войны в предложенном ракурсе. С одной стороны, частная жизнь рассматривалась ими как нечто глубоко личное, в силу чего она не могла быть предметом публичного обсуждения. С другой – недоумение вызывало ее сопряжение с войной, требовавшей концентрации всех жизненных сил и не оставлявшей времени для уединения. Ситуация существенно осложнялась и укоренившимися представлениями о

частном как о чем-то мало существенном, а зачастую и немного постыдном. Как сказал Эмиль Исаевич Речестер, интервью с которым оказалось одним из самых информативных по рассматриваемой проблеме: «Я Вам, как анекдоты, все рассказываю...» [30].

Однако когда в процессе разговора выяснялось, что частная жизнь все-таки была, и тому обнаружилось множество подтверждений, респонденты, как правило, занимали позицию стороннего наблюдателя, вспоминая эпизоды из чужой, мельком увиденной жизни. Рассказывая о каких-то моментах своей частной жизни, они представляли их как случаи, примеры того «как бывает»: «Если, в общем, то у каждого человека сложилось по-разному. У одних это было очень плохо, у других более или менее ничего. Я не знаю почему, но у меня отношения сложились хорошие, начиная с эвакуации, нет, начиная с соседей, с которыми мы эвакуировались всем двором» [31]. Многие из опрашиваемых, отрицая «взятые из кино и книг фривольные факты жизни на фронте», после завершения официальной части беседы «под запись» вспоминали, что «было и такое». В ряде случаев переэвентуали и под воздействием состоявшегося разговора вспоминали «упущенное».

Традиционное восприятие частной жизни как «потайной», закрытой от глаз посторонних сферы жизни ставит исследователя в положение человека, «подглядывающего» за другими «в замочную скважину» [32]. В результате сам сбор необходимой информации сопровождается значительными трудностями, ее выявление в ходе опросов может создать впечатление о поисках компрометирующего материала, более присущих представителям «желтой» прессы, чем профессиональным историкам с их стремлением к академизму и представлением о высокой общественной значимости собственной деятельности. Требуется учитывать и ответственность исследователя перед респондентом, необходимость сохранения конфиденциальности полученных сведений, чтобы не навредить людям, оказавшимся в центре исследовательского внимания.

Примечания:

1. Зубкова Е.Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3. С. 163.
2. В состав коллектива входили д.и.н. Е.Ф. Кринко (руководитель), Т.Г. Курбат, к.и.н. И.Г. Тажиудинова, д.и.н. Т.П. Хлынина. Результаты исследования нашли отражение в цикле статей и итоговой монографии. См.: Кринко Е.Ф., Тажиудинова Т.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.
3. Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна, 1932 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 67 минут. Запись 14 мая 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
4. Иоффе Г. Городок наш ничего... // Российская история. 2013. № 2. С. 171.
5. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1991. 239 с.
6. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
7. Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна.
8. Респондент: Тюкина Евгения Степановна.
9. Респондент: Тюкина Евгения Степановна.
10. Респондент: Речестер Эмиль Исаевич, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 146 минут. Запись 12 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
11. Респондент: Карпеева Лидия Михайловна, 1923 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 50 минут. Запись от 15 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

12. Респондент: Акимов Алексей Федорович, 1913 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 125 минут. Запись 17 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
13. Респондент: Емельянов Михаил Иванович, 1929 г.р. Интервьюеры: Т.П. Хлынина, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 43 минуты. Запись 14 мая 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
14. Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна.
15. Резникова Н.Ф. Ветка сирени, или Сыновьям о войне. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского кн. изд-ва, 1990. 80 с.
16. Калабухова И.Н. Где мои тринадцать лет? Повести. Ростов н/Д.: Старые русские, 2006. 320 с.
17. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. М.: Дом еврейской книги, 2008. 254 с.
18. Респондент: Гнетов Александр Федорович, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 247 минут. Запись 3 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
19. Калабухова И.Н. Где мои тринадцать лет? С. 4.
20. Респондент: Макарова Галина Федосеевна, 1918 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 157 минут. Запись от 15 ноября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
21. Респондент: Малюк Александр Георгиевич, 1927 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 135 минут. Запись от 29 сентября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
22. Респондент: Малхасян Андрей Георгиевич, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 117 минут. Запись от 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
23. Респондент: Макарова Галина Федосеевна.
24. Респондент: Карпеева Лидия Михайловна, 1923 г.р. Интервьюер: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 50 минут. Запись от 15 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
25. Респондент: Тихомирова Валерия Александровна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 130 минут. Запись от 22 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
26. Респондент: Тюкина Евгения Степановна.
27. Респондент: Розенбит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись от 18 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
28. Респондент: Прибыльская Елена Валентиновна, 1928 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись от 30 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
29. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна, 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
30. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

31. Респондент: Речестер Эмиль Исаевич.
32. Стоит ли копаться в «грязном белье»... (Российские историки размышляют над проблемами «истории частной жизни») // Родина. 1996. № 12. С. 80–85.

References:

1. Zubkova E.Ju. Chastnaja zhizn' v sovetskiju jepohu: istoriograficheskaia reabilitacija i perspektivy izuchenija // Rossijskaja istorija. 2011. № 3. S. 163.
2. V sostav kollektiva vhodili d.i.n. E.F. Krinko (rukovoditel'), T.G. Kurbat, k.i.n. I.G. Tazhidinova, d.i.n. T.P. Hlynina. Rezul'taty issledovanija nashli otrazhenie v cikle statej i itogovoj monografii. Sm.: Krinko E.F., Tazhidinova T.G., Hlynina T.P. Chastnaja zhizn' sovetskogo cheloveka v uslovijah voennogo vremeni: prostranstvo, granicy i mehanizmy realizacii (1941–1945). Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2013. 362 s.
3. Respondent: Jamshhikova Lidija Vladimirovna, 1932 g.r. Interv'juery: T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 67 minut. Zapis' 14 maja 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
4. Ioffe G. Gorodok nash nichego... // Rossijskaja istorija. 2013. № 2. S. 171.
5. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 g.: kratkie itogi. M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1991. 239 s.
6. Respondent: Tjukina Evgenija Stepanovna, 1925 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 105 minut. Zapis' 7 marta 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
7. Respondent: Jamshhikova Lidija Vladimirovna.
8. Respondent: Tjukina Evgenija Stepanovna.
9. Respondent: Tjukina Evgenija Stepanovna.
10. Respondent: Rechester Jemil' Isaevich, 1925 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 146 minut. Zapis' 12 aprelja 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
11. Respondent: Karpeeva Lidija Mihajlovna, 1923 g.r. Interv'juery: T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 50 minut. Zapis' ot 15 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
12. Respondent: Akimov Aleksej Fedorovich, 1913 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 125 minut. Zapis' 17 aprelja 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
13. Respondent: Emel'janov Mihail Ivanovich, 1929 g.r. Interv'juery: T.P. Hlynina, T.G. Kurbat. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 43 minuty. Zapis' 14 maja 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
14. Respondent: Jamshhikova Lidija Vladimirovna.
15. Reznikova N.F. Vetka sireni, ili Synov'jam o vojne. Majkop: Adygejskoe otdelenie Krasnodarskogo kn. izd-va, 1990. 80 s.
16. Kalabuhova I.N. Gde moi trinadcat' let? Povesti. Rostov n/D.: Starye russkie, 2006. 320 s.
17. Kalabuhova I.N. V proshhan'i i v proshhen'i. M.: Dom evrejskoj knigi, 2008. 254 s.
18. Respondent: Gnetov Aleksandr Fedorovich, 1925 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 247 minut. Zapis' 3 aprelja 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
19. Kalabuhova I.N. Gde moi trinadcat' let? S. 4.
20. Respondent: Makarova Galina Fedoseevna, 1918 g.r. Interv'juer: E.F. Krinko. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Prodolzhitel'nost' 157 minut. Zapis' ot 15 nojabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
21. Respondent: Maljuk Aleksandr Georgievich, 1927 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Prodolzhitel'nost' 135 minut. Zapis' ot 29 sentjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
22. Respondent: Malhasjan Andrej Georgievich, 1921 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Prodolzhitel'nost' 117 minut. Zapis' ot 16 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
23. Respondent: Makarova Galina Fedoseevna.

24. Respondent: Karpeeva Lidija Mihajlovna, 1923 g.r. Interv'juer: T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 50 minut. Zapis' ot 15 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

25. Respondent: Tihomirova Valerija Aleksandrovna, 1925 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Prodolzhitel'nost' 130 minut. Zapis' ot 22 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

26. Respondent: Tjukina Evgenija Stepanovna.

27. Respondent: Rozenblit Jevnelina Evgen'evna, 1933 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 107 minut. Zapis' ot 18 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

28. Respondent: Pribyl'skaja Elena Valentinovna, 1928 g.r. Interv'juer: E.F. Krinko. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhi-tel'nost' 107 minut. Zapis' ot 30 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

29. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna, 1929 g.r. Interv'juery: T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost': 50 minut Zapis' 4 aprelja 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

30. Respondent: Kremjanskaja Sil'vija Jakovlevna, 1926 g.r. Interv'juery: T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Prodolzhitel'nost' 80 minut. Zapis' 16 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

31. Respondent: Rechester Jemil' Isaevich.

32. Stoit li kopat'sja v «grjaznom bel'e»... (Rossijskie istoriki razmyshljajut nad problemami «istorii chastnoj zhizni») // Rodina. 1996. № 12. S. 80–85.

УДК 947.0

История и память: опросы очевидцев о частной жизни в 1941–1945 гг.

¹ Евгений Федорович Кринко

² Татьяна Павловна Хлынина

¹ Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена возможностям устной истории в изучении частной жизни советского человека в годы Великой Отечественной войны. Авторы раскрывают особенности методики проведения опросов, отмечают возникающие в ходе него трудности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; интервью; устная история; частная жизнь.